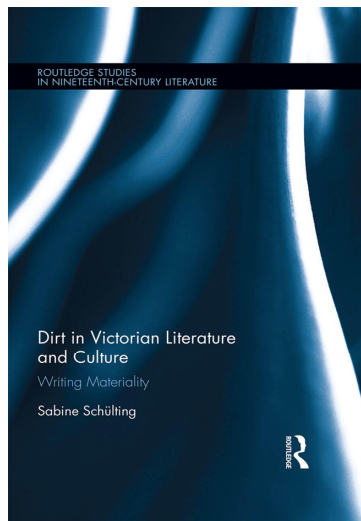

УДК 316.72"18"

DOI: 10.17223/2312461X/25/10

КУЛЬТУРНАЯ БИОГРАФИЯ ВИКТОРИАНСКОЙ ГЯЗИ

Schülting Sabine. *Dirt in Victorian Literature and Culture: Writing Materiality*. New York and London: Routledge, 2016. 204 p.
ISBN13 9780367175719

С конца прошлого столетия значительно возрос интерес к изучению материальной культуры, и викторианская эпоха с ее развитием массовой продукции и индустриальной революцией становится одним из самых популярных периодов (Pykett 2003). Предметом исследования профессора Свободного университета Берлина, филолога Забине Шюльтинг становится феномен грязи в художественной и документальной урбанистической литературе викторианской эпохи, а целью – исследование специфики викторианских нарративов о грязи, которые подвергаются значительным дискурсивным и эстетическим изменениям ближе к концу XIX столетия. При этом каждая глава посвящена отдельному сюжету, и книга, скорее, напоминает сборник статей, принадлежащих одному автору, а не монографию. Впрочем, текст глав отличается четкая структура, Шюльтинг в каждом случае проговаривает задачи, которые она ставит перед собой, что вкупе с легким стилем делает чтение книги очень комфортным.

Анализ репрезентации материальной культуры в викторианских текстах, охарактеризованных сложными способами взаимодействия акторов с самыми разнообразными формами материальных объектов,

требует применения трансдисциплинарного подхода, что блестяще демонстрирует автор рассматриваемого труда. Шюльтинг указывает, что в качестве основного метода будет использовать семиотический анализ, дополненный методами исследований материальности (material culture studies), под которыми понимается уход от антропоцентрической перспективы в социальных практиках, которая частично заменяется на интерес к интеракции человеческих и нечеловеческих субъектов. В качестве компонентов своего метода она отмечает акторно-сетевую теорию, делезианскую философию, перформативность и идеи постгуманизма.

Ссылаясь на Арджуна Аппадурая, Шюльтинг задается вопросом, существует ли потенциал нарратива у грязи, может ли она иметь свою биографию. В тексте, однако, не упомянут Игорь Копытофф, который фактически является автором термина «культурная биография вещей» (cultural biography of things) (Kopytoff 1986). Шюльтинг, по-видимому, не замечает, что этот популярный термин на самом деле не авторство Аппадурая. Существует разница между подходом Аппадурая, «социальной историей вещей» (social history of things), и их культурной биографией: «...в культурной биографии прослеживается история определенного объекта со сменяющимся контекстом на каждой стадии его существования. Социальная история вещей фокусируется на широкомасштабной динамике спроса, предложения и значения целого класса объектов и их изменения со временем» (Orser 1992: 98).

В качестве научной гипотезы к первой главе автор рассматривает идею о том, что увлечение утилизацией в рассматриваемый период не формирует контр-дискурс к логике товарного фетишизма, а, напротив, является продуктом викторианской «культуры вещей» (Victorian thing culture), в рамках которой фетишизировались не только товары, но и повседневные вещи (см. подробнее: Freedgood 2006). Первой репрезентацией этой культуры Шюльтинг считает всемирную выставку в Хрустальном дворце (1851), богато каталогизированную. В том же году выходит первый том «Рабочих и бедных Лондона» Генри Мэйхью, который также можно рассматривать как своеобразный каталог жизни низших классов Лондона. И его, и произведения Чарльза Диккенса автор предлагает анализировать в качестве дискурсивных эффектов культуры, заикленной на материальных объектах. Интересно, что для анализа «Рабочих и бедных Лондона» Генри Мэйхью Шюльтинг использует знаменитую «теорию о мусоре» (Rubbish Theory) Майкла Томпсона, которая долгое время незаслуженно находилась в тени идей Аппадурая. Майкл Томпсон выделяет три категории вещей: «кратковременные» (transient), «долговременные» (durable) и «мусор» (rubbish), который имеет нулевую ценность и представляет собой переходное состояние между первыми двумя категориями (Thompson 2017: 4). Эта модель отлично соотносится с наблюдениями Мэйхью о том, что на уличных

рынках Петтикот-Лэйн ничто никогда не выбрасывается. Вещи постоянно чинятся, перекрашиваются, так что любое категориальное различие между товаром и мусором стирается. Когда даже местные решают, что эти вещи уже невозможно использовать, их увозят в Ирландию, где они вступают в новый экономический цикл.

Впрочем, в силу собственной специализации автор делает акцент на анализе художественной литературы, и документалистика часто оказывается просто фоном для нее (как в итоге Мэйхью для Диккенса). Не случайно слово «культура» помещено на второе место в заглавии, после литературы.

Темой второй главы становится дискурс о корреляции человеческого тела и грязи на примере противопоставления холеры и туберкулеза, двух болезней, которые в рассматриваемый период наделялись полярными коннотациями. Если туберкулез эстетизировался и ассоциировался с чувствительностью, ранимостью и индивидуальностью, то холера отрицала любую эстетизацию и стирала все возможные различия между человеческим телом и грязью. В главе также рассматривается процесс конструирования дифференциации между бедностью как экономической категорией и нищетой как моральной, которая объясняется в источниках как последствие этической и физической нечистоты.

В третьей главе автор, ссылаясь на концепцию биополитики Фуко, ставит перед собой задачу проанализировать структуры и стратегии построения художественного и документального нарратива о жителях трущоб в викторианскую эпоху («поэтика грязи»). Описывая жителей трущоб, средний класс отказывал им в тех ценностях, которые являлись для него ключевыми, например викторианский культ семьи не распространялся на тех, кто находился за чертой бедности. Главным же выводом главы оказывается полная деперсонализация жителей трущоб и уподобление их грязи, которая фигурирует как неперменный атрибут описаний.

Лейтмотивом четвертой главы становится цитата из эссе Джорджа Оруэлла о главном стереотипе классовых различий: «низшие классы дурно пахнут» (Оруэлл 2018: 171). Шюльтинг указывает, что в фокусе ее внимания будет находиться не репрезентация грязи как таковой, а эмоциональные отклики на нее, отвращение, которое рассматривается в главе не просто как психологическое состояние, а как социальная и культурная практика, поддерживающая систему социального неравенства. В этой же главе Шюльтинг использует термин «включенное наблюдение», чтобы описать с его помощью экспедиции, которые устраивали в бедные районы города представители викторианского среднего класса. Этот термин для подобных экспедиций был предложен еще Марком Фриманом, который, однако, использовал его с определенными оговорками. Он указывал, что различие между теми, кто

занимается включенным наблюдением сегодня, и теми, что пытался это делать в викторианскую эпоху, большей частью заключается в том, что нынешние исследователи происходят из академической среды. В викторианский и эдвардианский период включенное наблюдение осуществлялось журналистами, социальными реформаторами и активистами благотворительного движения, которые переодевались в лохмотья и некоторое время жили в среде изучаемого ими населения, а затем печатали результаты своих исследований в популярных газетах или в виде памфлетов. Эти викторианские исследователи не были учеными в современном понимании этого слова, тем не менее, как аргументирует Фриман, их «журналистский метод» можно назвать прародителем нынешней методологии опроса, а самих викторианских исследователей – предшественниками нынешней традиции включенного наблюдения (Freeman 2001: 101–104).

Пятая глава посвящена вопросу о том, каким образом колониальные и постколониальные нарративы о грязи отражают политические, экономические, социальные и литературные нормы и модели XIX в. Автор указывает, что ее перспектива во многом сформирована дискурсом о «экскрементальном постколониализме», начало которому положил Джошуа Эсти. Последний развивал анализ Уорвиком Андерсоном «экскрементального колониализма» – конструирования идеи чужого в XIX в., выраженной в терминах отрицания за аборигенами европейских стандартов гигиены, которая приобретает практически трансцендентный характер (Esty 1999: 25). Сама Шюльтинг ставит перед собой задачу понять, каким образом нарративы о «колониальной» и «постколониальной» грязи ложатся в русло политических, экономических и социальных моделей, а также литературных норм того времени. Практически половину пятой главы занимает анализ «первой англоязычной повести, написанной индийским мусульманином» – это «Сумерки в Дели» Ахмеда Али (1940). Сам анализ кажется слегка избыточным по объему, поскольку в конце автор приходит к закономерному выводу, что, несмотря на повторение империалистской «санитарной» риторики, внутреннее наполнение романа выходит за рамки имитации европейского стиля. Исследованию такого уровня больше бы пригодились заключение, суммирующее выводы всех глав.

В целом текст исследования можно наложить на классическую модель, предложенную Мэри Дуглас. Формально упоминание о ее вкладе в разработку темы есть и у автора. В таком рассмотрении грязь становится детерминирующим фактором социальных отношений и выступает как маркер маргинальности в условиях викторианского общества, где чистота являлась признаком принадлежности к среднему классу и выше. Трущобы и их жители таким образом становятся внесистемными элементами картины мира и соотносятся с населением колоний, прежде

всего Индии, которая предстает аллегорией грязи как таковой, разделяя практически все викторианские коннотации грязи из трущоб, в том числе и гомоэротические. Маргинализация здесь выступает на грани евгеники, когда в ряде текстов жители трущоб уподобляются сорнякам, которые должны быть уничтожены ради сохранения полезных растений, то есть, более высоких ступеней социальной стратификации.

Таким образом, работа Забине Шюльтинг является ценным вкладом в разработку темы отходов в рамках дискурса изучения материальной культуры, а также блестящим исследованием одного из самых маргинальных нарративов урбанистической Великобритании XIX в. Рассматриваемая книга будет интересна специалистам по антропологии викторианского периода, а также всем тем, кого интересуют исследования материального (material studies).

Литература

- Оруэлл Дж. Фунты лиха в Париже и Лондоне. Дорога на Уиган-Пирс. М., 2018.
- Esty J.D. Excremental Postcolonialism // *Contemporary Literature*. 1999. Vol. 40, № 1. P. 22–59.
- Freedgood E. Coda: Victorian Thing Culture and the Way We Read Now // *The Ideas in Things: Fugitive Meaning in the Victorian Novel*. Chicago, 2006. P. 139–159.
- Freeman M. 'Journeys into Poverty Kingdom': Complete Participation and the British Vagrant, 1866–1914 // *History Workshop Journal*. 2001. № 52. P. 99–121.
- Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. N.Y., 1986. P. 64–92.
- Orser C.E. Jr. Beneath the Material Surface of Things: Commodities, Artifacts, and Slave Plantations // *Historical Archaeology*. 1992. Vol. 26, № 3. Meanings and Uses of Material Culture. P. 95–104.
- Pykett L. The Material Turn in Victorian Studies // *Literature Compass*. 2003. Vol. 1, Is. 1. P. 1–5.
- Thompson M. Rubbish Theory: The Creation and Destruction of Value. 2nd ed. L., 2017.

Д.А. Трынкина

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 19 июля 2019 г.

Trynkina Daria A., *Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Moscow)*

CULTURAL BIOGRAPHY OF VICTORIAN DIRT

Review of Schülting S. *Dirt in Victorian Literature and Culture: Writing Materiality*. New York and London: Routledge, 2016. 204 p. ISBN13 9780367175719

References

- Orwell G. *Funty likha v Parizhe i Londone. Doroga na Uigan-Pirs* [Down and Out in Paris and London. The Road to Wigan Pier]. Moscow, 2018.
- Esty J.D. Excremental Postcolonialism, *Contemporary Literature*, 1999, Vol. 40, no. 1, pp. 22–59.
- Freedgood E. Coda: Victorian Thing Culture and the Way We Read Now. In: Freedgood E. *The Ideas in Things: Fugitive Meaning in the Victorian Novel*. Chicago, 2006, pp. 139–159.

-
- Freeman M. 'Journeys into Poverty Kingdom': Complete Participation and the British Vagrant, 1866–1914, *History Workshop Journal*, 2001, no. 52, pp. 99–121.
- Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process. In: *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. NY, 1986, pp. 64–92.
- Orser C.E., Jr. Beneath the Material Surface of Things: Commodities, Artifacts, and Slave Plantations // *Historical Archaeology*. 1992. Vol. 26. No. 3. Meanings and Uses of Material Culture. P. 95–104.
- Pykett L. The Material Turn in Victorian Studies, *Literature Compass*, 2003, Vol. 1, Is. 1, pp. 1–5.
- Thompson M. *Rubbish Theory: The Creation and Destruction of Value*. 2nd edition. London, 2017.